

РОЛЬ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

ROLE OF ADVANCED DEVELOPMENT TERRITORIES IN THE CONTEXT OF THE INSTITUTIONAL ANALYSIS OF THE ECONOMIC-GEOGRAPHICAL SITUATION OF THE TRANSBAIKAL REGION

О. А. Баранова,
Забайкальский государственный
университет,
г. Чита
oa.09.12@mail.ru

O. Baranova,
Transbaikal State University,
Chita

К. В. Парфенова,
Институт природных ресурсов,
экологии и криологии СО РАН,
г. Чита
gorina08@yandex.ru

K. Parfenova,
Institute of Natural Resources,
Ecology and Cryology SB RAS

В последние годы в стране получили развитие новые методы пространственного управления «периферией» страны – территории опережающего социально-экономического развития (ТОР), взаимодействие которых с другими неформальными факторами данных территории практически не рассматривалось, что требует определенного анализа и осмысления. Целью проведенного исследования являлось рассмотрение влияния ТОР Забайкальского края на изменение его экономико-географического положения (ЭГП) в контексте институционального анализа.

Научная новизна выполненной работы заключается в обосновании авторского подхода к определению ЭГП территории в контексте реализации новых методов пространственного развития, а также рассмотрению влияния формальных и неформальных факторов институциональной природы.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляет совокупность научных представлений в области экономической географии и региональной экономики.

На примере разрабатываемого Удоканского месторождения меди в Каларском районе и монопрофильного города Краснокаменск в регионе приводится анализ действия традиционных факторов ЭГП и новых факторов «мягкой природы» – институциональных механизмов. Раскрываются особенности функционирования каждой модельной территории с точки зрения создания ТОР «Северное Забайкалье» и ТОР «Краснокаменск». Выявлено, что основополагающим фактором развития данных территорий является их высокая и уникальная ресурсообеспеченность, влияние остальных традиционных факторов ЭГП становится второстепенным и не ключевым. Значительную роль в процессе изменения ЭГП играют формальные институты, корректирующие действие традиционных факторов ЭГП за счет административных и налоговых преференций. Среди неформальных институциональных факторов выделяются экологические последствия разработки Удоканского месторождения меди и его возможного влияния на организацию традиционного природопользования коренных малочисленных народов Забайкальского края – эвенков. Для территории реализации проекта ТОР «Краснокаменск» неформальным фактором выступает профессиональная укорененность местного сообщества. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности органов государственной власти разного уровня, а также могут стать основой для дальнейших исследований

Ключевые слова: Забайкальский край; территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР); экономико-географическое положение (ЭГП); Удоканское месторождение меди; монопрофильный город Краснокаменск; традиционные факторы ЭГП; институциональные факторы развития; Каларский район

In recent years, new methods have been developed in the country for spatial management of the country's "periphery" – the territory of priority social and economic development (TORs), the interaction of which with other informal factors of these territories was practically not considered and which requires some analysis and

reflection. The aim of the study is to consider the influence of the TORs of the Transbaikal region on the change in its economic and geographical position (EGP) in the context of institutional analysis.

The scientific novelty of the work done is to justify the author's approach to determining the EGP of a territory in the context of the implementation of new methods of spatial development, as well as considering the influence of formal and informal factors of an institutional nature.

The theoretical and methodological basis of the study is a set of scientific ideas in the field of economic geography and regional economy. On the example of the Udokan copper deposit being developed in the Kalarsky district and the single-industry city of Krasnokamensk, an analysis of traditional EGP factors' effect and new factors of a "soft nature" – institutional mechanisms is given. The features of the each model territory functioning are revealed from the point of view of creating the Northern Transbaikal Territory and Krasnokamensk TOP. It was revealed that the fundamental factor in the development of these territories is their high and unique resource supply, the influence of other traditional factors of EGP becomes secondary and not key. A significant role in the process of changing EGPs is played by formal institutions that correct the action of traditional factors of EGP due to administrative and tax preferences. Among the informal institutional factors, the environmental consequences of the development of the Udokan copper deposit and its possible impact on the organization of traditional nature management of the indigenous peoples of the Transbaikal Territory – Evenks – stand out. For the territory of the implementation of the project "Krasnokamensk", the informal factor is the professional rootedness of the local community. The results of the study can be used in the activities of public authorities at various levels, and can also be the basis for further research

Key words: *Transbaikal region; territories of priority social and economic development; economic and geographical location; Udokan copper deposit; single-industry city of Krasnokamensk; traditional factors of EGP; institutional factors of development*

Введение. Экономико-географическое положение (ЭГП) – категория географических исследований, позволяющая представить особенности положения территорий во времени и пространстве, относительно других данностей. По мнению Н. Ю. Замятиной и А. Н. Пилясова, «в этом проявляется динамика ЭГП конкретной территории, получившее существенное проявление за счет экономической реформы XX в., и позволившая в рыночных отношениях по-новому взглянуть на эту категорию» [3]. В работах географов советского периода категории ЭГП разных территориальных уровней уделялось достаточно внимания. В большей степени реализовывался подход, описанный Н. Н. Баранским: по отношению к территории, к элементам производства и непроектированной сферы и с позиций пространственной масштабности оценки положения. Дальнейшее развитие это получило в работах И. М. Маергойза, Ю. Г. Саушкина, Я. Г. Машбица, Е. Е. Лейзеровича и др. Среди зарубежных исследований выделяются работы П. Кругмана, который определил факторы первой и второй природы пространственного развития территорий [12].

В последнее десятилетие появляются работы, актуализирующие внимание на «жестких и мягких» факторах «географического положения» [11; 13; 14]. Подобная

логика исследования – анализ институтов через призму географической гипотезы – прослеживалась в работах таких ученых, как Дж. Саческ [15], Д. Норт [8] и др. Подобные практики позволяют говорить не только о новых направлениях в исследовании, но и представлять нетривиальные подходы к оценке ЭГП в условиях институционализации механизмов регионального управления.

В последние годы позиции определения ЭГП несколько видоизменились и в России. ЭГП воспринимается как результат развития не только экономических связей, географического разделения труда и территории, но и качества институтов, оказывающих «мягкое» или «жесткое» воздействие. В российских исследованиях трактовка этих факторов получила новое звучание и смысл, адаптированный под особенности социально-экономического развития регионов страны. Примером могут служить работы Н. В. Зубаревич [5], А. Н. Пилясова [9], В. И. Блануцы [2], Л. А. Безрукова [1], С. П. Земцова [4] и др.

Авторы статьи придерживаются сложившегося подхода изучения ЭГП, который предполагает рассмотрение факторов, непосредственно определяющих развитие территории. В первую очередь, это «традиционные факторы», или факторы «жесткой природы» – географическое положение, ресурсообеспеченность, трудовые ресурсы, емкость

рынка потребительских и промышленных товаров, инфраструктура. Однако наряду с названными факторами в настоящее время при определении ЭГП особое значение приобретают факторы «мягкой природы», к ним отнесены институциональные условия, которые не всегда измеримы, однако при этом в последнее время оказывают все большее влияние на развитие территории. По мнению Н. В. Зубаревич, «...позитивное воздействие институтов чаще проявляется в сочетании с другими факторами пространственного развития, играющими роль необходимой «подпорки»» [5].

Методология исследования. Предлагаем применить институциональный подход к уточнению понятия ЭГП и ввести в состав определяющих его факторов институты, обуславливающие поведение экономических субъектов. В этом контексте под институциональными условиями следует рассматривать формальные и неформальные институты, отражающие специфику конкретной территории. Предложенный подход позволяет проанализировать как на современном этапе могут реализовываться особенности ЭГП региона с точки зрения институциональных условий. Кроме того, это позволит говорить о степени влияния ЭГП территории на деятельность экономических агентов, выделять ограничительную или стимулирующую функции их развития, опосредованно определять поведение населения. Подобные региональные исследования не встречались авторам, что составляет новизну предлагаемого подхода и интерес процесса познания.

Территорией данного исследования выступает Забайкальский край, для которого особенности и этапы развития ЭГП на протяжении всей его истории связаны с государственной политикой страны. Возможное изменение ЭГП территории рассмотрено локально на примере формирующихся точек экономического роста региона – разрабатываемого Удоканского месторождения меди в Каларском районе и монопрофильного города Краснокаменск. Подобные изыскания не проводились ни в Забайкальском крае, ни в других субъектах Дальнего Востока, в которых реализуются новые механизмы государственного управления.

Цель исследования – рассмотреть влияние территорий опережающего развития Забайкальского края на изменение его

экономико-географического положения в контексте институционального анализа.

Материалы и методы исследования. Основные методы исследования – сравнительно-географический, аналитический, статистический.

Способ аргументации. Исходными данными для анализа выступает информация, размещенная на сайтах Министерства экономического развития, ООО «Байкальская горная компания» и моногорода Краснокаменск.

Результаты исследования и их обсуждение. Исторически Забайкальский край имеет выгодное ЭГП, обусловленное богатством недр, соседским положением, наличием транспортного сообщения в западном, восточном направлении и на юге с Китаем. Однако на протяжении всей истории освоения региона выгодность ЭГП проявилась только в период, когда велась активная приграничная торговля при строительстве Транссибирской магистрали. Добыча полезных ископаемых велась в основном для нужд оборонной промышленности, остальные производства формировались для обеспечения горной добычи. Выгода ЭГП являлась односторонней и отвечала целям государственной политики того периода, а не полноценному развитию богатой в геологическом отношении территории.

Выгода ЭГП Забайкальского края не подвергается сомнению, однако во многом она, как и ранее, только декларируется. На современном этапе новую экономическую силу для развития территории получают не столько традиционные факторы, учитывающие преимущества, обеспеченные природой или предыдущими поколениями людей, сколько новые условия экономической реальности. В советский период освоение и развитие территорий сопровождалось значительными и масштабными стройками, под разрабатываемые месторождения строились поселки для постоянного местожительства населения, необходимая социальная и транспортная инфраструктура. Государственная политика была направлена на комплексное развитие территории.

На современном этапе в Забайкальском крае внедряются новые методы пространственного управления «периферией» страны за счет получивших распространение территорий опережающего социально-экономи-

ческого развития (ТОСЭР или кратко ТОР). Учитывая, что в условиях рыночных отношений государство не может оказать прямого воздействия на поведение инвесторов, оно создает благоприятные экономические условия для них в виде институтов развития. Инвесторы, осуществляя выбор объекта инвестирования, ориентируются не только на традиционные факторы, но и на государственные институты, определяющие поведение, характер отношений и взаимодействий инвесторов с государством и друг с другом. В данном контексте «государство стремится создать определенные «правила игры» в обществе, которые способны активизировать соответствующие стимулы для желательного экономического поведения» [13]. Данные механизмы носят характер формальных институтов управления территорией.

С этой целью в регионе создан федеральный институт развития – ТОР «Забайкалье». В рамках его реализации определено 8 территориальных «площадок», на которых планируется создание различных ТОР. Одна из крупных площадок – ТОР «Северное Забайкалье» – определена в Каларском районе, на территории, где до настоящего времени промышленного освоения практически не велось, а основная сфера занятости населения заключалась в обслуживании Байкало-Амурской магистрали (БАМ) и традиционном природопользовании.

Другая крупная площадка – г. Краснокаменск – определена как ТОР в 2016 г., в связи с необходимостью поддержки крупнейшего в регионе моноструктурного города, благополучие которого определяется деятельностью градообразующего предприятия «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» (ППГХО). ТОР призван диверсифицировать экономику города.

Появление и развитие института ТОР говорит о желании федеральных и региональных властей повлиять на поведение инвесторов, создать координационный эффект, снизить уровень неопределенности среды региона, в которой действуют экономические агенты. Инвесторы в таком случае получают возможность воспользоваться механизмами, которые уже апробированы и применяются в других регионах Дальнего Востока. Данные ТОРы способны на локальном уровне повлиять на изменение ЭГП, стать точками экономического роста региона. Однако

формальным государственным институтам могут противостоять неформальные нормы, определяющие хозяйственное поведение населения. Это противостояние не изучено и не оценено ни в Забайкальском крае, ни в других субъектах Дальнего Востока, в которых реализуются новые механизмы государственного управления. В этой связи более подробно остановимся на рассмотрении этих примеров.

ТОР «Северное Забайкалье». Разработка Удоканского месторождения меди на севере Забайкальского края, крупнейшего в России и третьего в мире, продолжилась в XXI в. ООО «Байкальская горная компания» (БГК) в 2018 г. сообщила о начале строительства ГОКа. Созданный ТОР на севере региона выступает формальным институтом развития. По мнению разработчиков проекта, ТОР ускорит и удешевит строительство ГОКа за счет снижения ставок по налогам. Экономический агент (инвестор БГК), использует предложенные условия для достижения собственных целей. При этом его деятельность может иметь полезный социально-экономический эффект для Каларского района. БГК, кроме выплат налоговых платежей и взносов, реализует социальные проекты.

Влияние мировых цен на медь способствовало началу разработки Удоканского месторождения, в этой связи многие традиционные факторы (суровые природно-климатические условия и др.), ранее в определенной степени сдерживающие его разработку и рассматриваемые как условия невыгодного ЭГП, стали незначимыми для получения экономической прибыли заинтересованного инвестора. Проект разработки месторождения по условиям выполнения является весьма дорогостоящим и технически сложным. Строительство ГОКа проходит в условиях сурового климата севера, многолетней мерзлоты и высокой сейсмологической опасности. Для такого крупного инвестора, как БГК, эти традиционные факторы ЭГП не являются сдерживающими, однако они влияют на затраты в реализации проекта. Высокая дискомфортность проживания местного населения и вахтовых работников, слабая заселенность и освоенность территории, отсутствие трудовых ресурсов не являются лимитирующими факторами – БГК активно привлекает вахтовых работников, преимущественно из других регионов и стран. Со-

циально-бытовая инфраструктура создана в рамках вахтовых поселков.

В условиях современной цифровизации географическая удаленность месторождения от краевого центра, его экономическая и административная периферия не препятствуют реализации проекта. Основным традиционным фактором, определяющим интерес инвестора, является ресурсообеспеченность территории. Новые институциональные условия смягчают влия-

ние традиционных факторов ЭГП территории, увеличивают рентабельность проектов. Благоприятным фактором ЭГП территории выступает наличие БАМ и близость к потенциальному рынку сбыта продукции – Азиатско-Тихоокеанскому региону. Факторы институциональной природы в виде государственных механизмов стимулирования мотивации инвесторов в трактовке Н. В. Зубаревич становятся реальной «подпоркой» [5] пространственного развития (рис. 1).

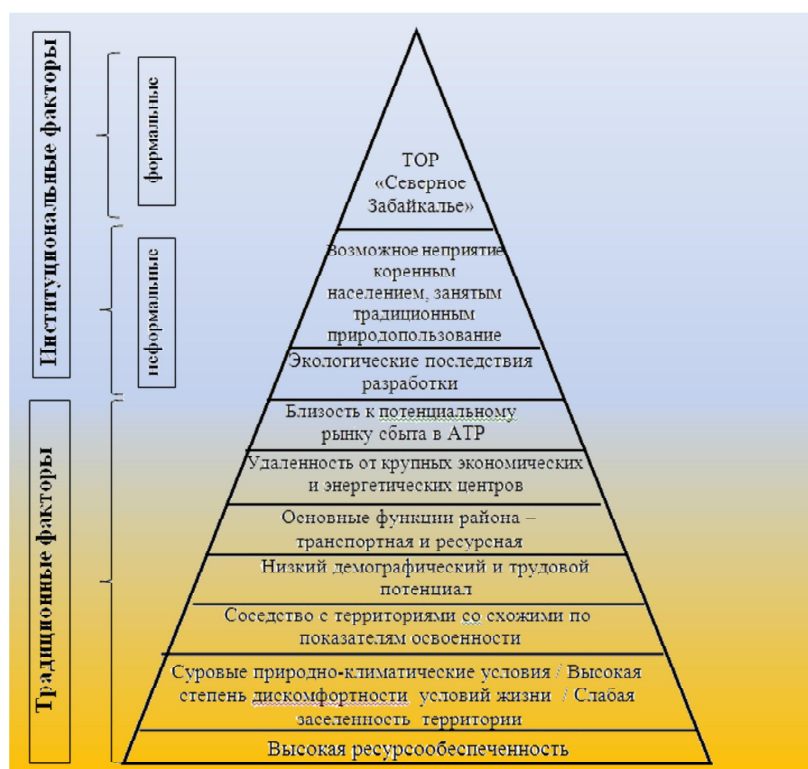

Рис. 1. Факторы ЭГП Удоканского месторождения меди в Каларском районе /
Fig. 1. EGF factors of the Udokan copper deposit in the Kalarsky district

«Мягкие» факторы институциональной природы выражаются через налоговые льготы, предоставляемые резидентам ТОР. Важно, чтобы реализация проектов ТОР положительно воспринималась населением территории освоения. При этом формальные институты, разрабатываемые государством в рамках ТОР, направлены на регулирование деятельности инвесторов, а не на поведение жителей территории. Для них решающую роль имеют неформальные нормы: сложившийся образ жизни, хозяйствования, нравственные устои, определяющие их бережное отношение к окружающей среде. Эти

неформальные институты могут стать препятствием освоения территорий, сделать формальные государственные институты не эффективными и отрицательно сказаться на ЭГП территории.

Так, одним из ограничивающих факторов деятельности инвестора в данных условиях может стать экологический аспект, связанный с разработкой месторождения. В связи с тем, что производственные работы на Удоканском месторождении лишь начаты, экологическое загрязнение природы незначительно. Однако для разрабатываемого Апсатского месторождения, расположенного

в 40 км от ст. Новая Чара, регистрируется загрязнение растительности, водных объектов и почв в связи с запылением дорог и разливом нефтепродуктов. Не менее значим фактор беспокойства и шумового воздействия, связанный с работой техники и взрывными работами. По данным администрации Каларского района, местное население недовольно сложившейся обстановкой. Подобные проблемы могут возникнуть и на Удokane. По мнению специалистов, строительство ГОК может оказать воздействие на природную среду [10].

Это может оказать определенное влияние на организацию традиционного природопользования коренных малочисленных народов – эвенков. Разногласия на этой почве возникают в связи с недооценкой и невосприятием инвестором традиционного образа жизни эвенков и экологических условий.

В Забайкальском крае существуют примеры, когда действие неформальных факторов сказалось на планах работы инвестора. Так, в Красночикойском районе по инициативе местных жителей создан национальный парк «Чикой». На территории района планировалась разработка месторождения урана, что значительно бы отразилось на состоянии не только экосистем уникальной забайкальской тайги, но и качестве жизни жителей, образ жизни которых связан с охотой, рыбалкой и заготовкой дикоросов и кедровых орехов. В результате проведен референдум, где 85 % жителей высказались против разработки месторождения урана. Здесь создана заповедная территория парка, которая ограничивает промышленное освоение района.

Еще один пример влияния неформальных норм связан с перспективами развития сельского хозяйства в регионе. В 2016 г. правительство региона выступило с инициативой передать сельскохозяйственные земли китайским инвесторам на 49 лет. Инициатива вызвала широкий общественный резонанс, так как опыт показал: в пригородных населенных пунктах краевого центра после аренды китайскими предпринимателями земли стали не пригодны для использования, они заражены пестицидами и считаются мертвыми в хозяйственном отношении. Активная позиция общественности и резонанс в СМИ способствовали отмене реализации данного проекта. В определенной степени можно говорить о возникновении конфликта между

качеством работы формальных институтов власти, их несогласованностью с неформальными нормами и правилами ведения хозяйственной деятельности сельских жителей.

Данные примеры говорят о несогласованности протекания процессов взаимодействия формальных законов, инициируемых властью, с нормами и правилами жизни местного сообщества, их интересами и взглядами в едином экономическом пространстве региона. Подобные конфликты институтов отражают характер некачественной организации административного управления. Для успешной эффективной работы институтов необходимы институциональные преобразования, не тормозящие и не разрушающее развитие.

ТОР «Краснокаменск». ЭГП моногорода Краснокаменск является благоприятным. Территория расположена в границах компактной, достаточно освоенной и заселенной местности. Климатические условия для проживания населения характеризуются как благоприятные. Инфраструктурное оснащение хорошее. Транспортное сообщение представлено всеми видами. По итогам всероссийских конкурсов Краснокаменск имеет специальный приз как один из самых благоустроенных городов России. Демографические и трудовые ресурсы города значительны в количественном отношении. Это второй по численности населения город в регионе – на 2018 г. здесь проживало более 50 тыс. человек. Преимущества трансграничного положения Краснокаменского района с Китаем позволяют развивать торговые отношения.

Возможности снижения монопрофильности города связывали с появлением дополнительных производств. Однако лишь один резидент из четырех заявленных – медицинский центр «Азбука здоровья» реализовал свой проект. Правительство региона создает условия для вхождения *ТОР «Краснокаменск»* в проект *ТОР «Забайкалье»* для его перезапуска.

Отсутствуют сдерживающие факторы для развития г. Краснокаменск. Заявленная инициатива государственной поддержки города в виде программы *ТОР* не принесла планируемого результата. Проблемой, несмотря на предлагаемые налоговые и иные преференции, выступает поиск инвесторов, готовых реально участвовать в инвестиционных проектах. Инвесторы не рискнули принять

участие в предложенном проекте. На взгляд авторов статьи, одним из важных факторов в этом вопросе оказалась незначительная емкость регионального потребительского рынка и влияние факторов «мягкой среды».

Поставленная задача – снижение монозависимости экономики города за счет ТОРа, где каждый третий житель города из числа занятых трудится на градообразующем предприятии ПАО «ППГХО», является достаточно сложной. Перепрофилирование трудоспособного населения вызывает сложности, учитывая культурную укорененность местного сообщества. В Краснокаменске существуют несколько поколений династии шахтеров. Профессиональная принадлеж-

ность в данном случае является традицией, укоренившейся среди населения. В условиях стабильного спроса на добываемое сырье и успешного функционирования градообразующего предприятия, многолетние заводские традиции обеспечивают устойчивость производства. Однако такая «укорененность» со временем становится сдерживающим фактором, поскольку оказывает сопротивление радикальным инновациям и понижает адаптивность к меняющимся рыночным условиям» [16]. Эту проблему призваны решить условия, предоставляемые в рамках ТОР, – за счет налоговых льгот предполагается снижение издержек производства и вывод производств на конкурентную мощьность (рис. 2).

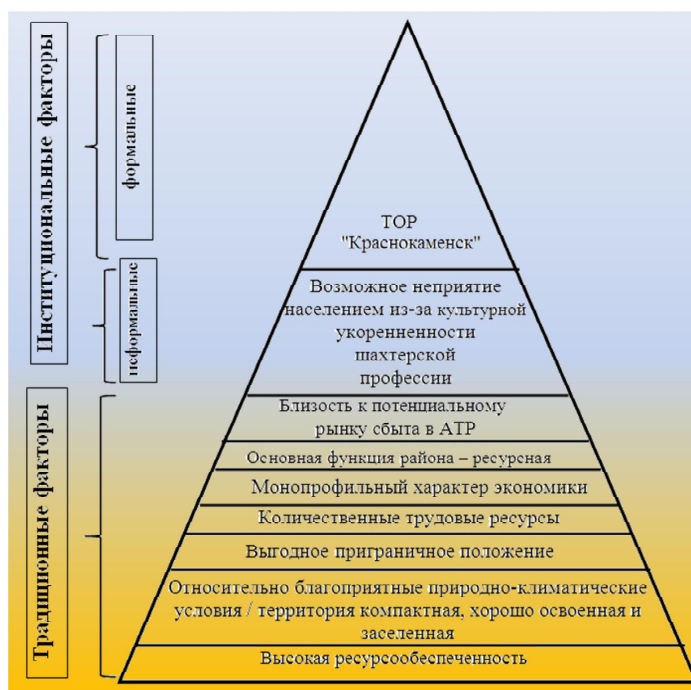

Рис. 2. Факторы ЭГП, определяющие развитие г. Краснокаменск /
Fig. 2. EGP factors that determine the development of Krasnokamensk

Проблема монопрофильности экономики Краснокаменска решается в другом ключе. Инвестирование строительства рудника № 6 по разработке Аргунского и Жерлового месторождения, необходимых для поддержания жизни города при истощающихся запасах сырья на действующих рудниках № 1 и № 8, осуществляется из федерального бюджета. Эти государственные меры способны сохранить город и его население за счет укрепления его моноструктурности.

Ограничивающие условия в большей степени представлены неформальными институциональными «правилами игры» на мировом рынке – ценовой политикой и заинтересованностью государства в разработке сложного месторождения. В данном случае традиционные факторы не являются лимитирующими для развития территории.

Пример ТОР «Краснокаменск» показал, что формальные нормы, предлагаемые государством по диверсификации хозяйствен-

ной деятельности, вступили в конфликт с традиционной укорененностью местного населения. Трудоспособное население в вопросах трудоустройства ориентируется либо на горнодобывающую отрасль, определяющую поддержание жизни моногорода, либо покидает город в поисках работы, что в особенно касается молодежи. Создаваемый ранее ТОР предполагал диверсификацию экономики за счет развития малого и среднего бизнеса, однако это не нашло значительной поддержки как среди инвесторов, так и среди населения. Государственная поддержка в создании 6-го рудника разрешает ситуацию, что позволит сохранить монопрофильный город и расширить производство, несмотря на отсутствие экономических предпосылок, связанных со спецификой спроса на обогащенный уран.

Заключение. Современное ЭГП Забайкальского края сохраняет черты своего исторического развития и демонстрирует появление новых аспектов. Вектором качественных изменений ЭГП территории выступают традиционные факторы развития и новые институциональной среды, которые не имели подобной значимости и не рассматривались исследователями. Эти факторы могут противостоять друг другу, формируя определенный функциональный дуализм, что находит отражение в рассмотренных примерах площадок территориального развития – ТОР «Северное Забайкалье» и ТОР «Краснокаменск». Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов.

Ресурсообеспеченность является главным лейтмотивом прихода инвестора. Для крупных экономических агентов, таких как БГК, традиционные факторы не являются ограничителями развития, они лишь удорожают производство. На первый взгляд, Каларский район по совокупности названных факторов ЭГП имеет менее выигрышное положение. Однако, по мнению авторов, несмотря на это и необходимость создания

производства «с нуля», Каларский район, на территории которого имеются и другие перспективные месторождения, имеет большие возможности по привлечению инвесторов, чем Краснокаменский, и разработка Удоканского месторождения подтверждает этот факт. В Краснокаменске ведется добыча урана и бурого угля, создана инфраструктура, связывающая район с краевым центром и КНР, однако существуют проблемы поиска инвесторов. Кроме того, специфика уранового производства отражается на инвестиционной составляющей и сырьевом спросе – потребности государства в более дешевом сырье компенсируются импортом из других месторождений.

Значительное влияние оказывают факторы институциональной природы – на севере и в г. Краснокаменск за годы освоения территории сформировалось устойчивое поведение населения – традиционное природопользование и добыча полезных ископаемых. И в том, и в другом случае это новый фактор ЭГП, не учитываемый ранее, однако способный оказать сдерживающее влияние формального института ТОР.

Новый формальный фактор развития в виде проекта ТОР «Северное Забайкалье» в регионе позволяет нивелировать действие неблагоприятных традиционных факторов ЭГП и по своим свойствам реализации схож с программами советского периода освоения территорий. Реализация ТОР «Краснокаменск» позволит сохранить моногород в приграничной полосе региона, его специализацию и население. Действие проектов может благоприятно сказаться на современном ЭГП территории. Задача управления регионом заключается в развитии институтов, учитывающих позитивные факторы ЭГП территории и потенциал самоорганизации неформальных институтов, а не насаждение формальных норм, ориентированных только на удовлетворение интересов инвесторов, не отвечающих запросам населения.

Список литературы

1. Безруков Л. А. Географическое положение Иркутской области: особенности и влияние на экономическое развитие // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2017. Т. 20. С. 5–24.
2. Блануца В. И. Экономико-географическое положение: обобщение концептуальных установок и генерация новых смыслов // География и природные ресурсы. 2015. № 4. С. 7–16.
3. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М.: Новый хронограф, 2013. 548 с.

4. Земцов С. П., Бабурин В. Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 1. С. 117–138.
5. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
6. Методы выращивания овощей китайскими фермерами ужасают жителей сел. URL: <https://zab.ru/articles/2783> (дата обращения: 08.12.2019). Текст электронный.
7. Мы всех зовем и звали, но пришли китайцы. URL: <https://iz.ru/news/588143> (дата обращения: 24.12.2019). Текст электронный.
8. Норт Д. К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
9. Пилясов А. Н., Гуныко М. С., Котов А. В., Сидорова Д. А. Забайкальский край: как перекрыть невыгоды «большого» ЭГП выгодами «малого»? // Экономика Востока России. 2017. № 2. С. 28–40.
10. Помазкова Н. В. Оценка воздействия строительства горно-металлургического комбината «Удокан» на растительность Каларского района // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. 2019. Т. 136. С. 197–203.
11. Hashim R., Alexiou C. The role of institutions in economic development: Evidence from 27 Sub-Saharan African countries // International Journal of Social Economics. 2011. No. 39. P. 142–160.
12. Krugman P. R. First nature, second nature, and metropolitan location // Journal of Regional Science. 1993. Vol. 33. P. 129–144.
13. Rodrik D., Subramanian A. The primacy of institutions // Finance and Development. 2003. Vol. 40, No. 2. P. 31–40.
14. Sokoloff K., Engerman S. Institutions, factor endowments, and paths of development in the new world // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14, No. 3. P. 217–232.
15. Suchacek J. The role of selected soft factors in the transformation of old industrial regions // MPRA. 2009. No. 15023. posted 6.
16. Zamyatina N., Pilyasov A. Single-industry towns of Russia: lock-in and drivers of innovative search // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10, No. 3. P. 53–64.

References

1. Bezrukov L. A. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle* (News of the Irkutsk State University. Series: Earth Sciences), 2017, vol. 20, pp. 5–24.
2. Blanutsa V. I. *Geografiya i prirodnye resursy* (Geography and natural resources), 2015, no. 4, pp. 7–16.
3. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. *Rossiya, kotoruyu my obreli: issleduya prostranstvo na mikrourovne* (Russia we have found: exploring space at the micro level). М.: Novy hronograf, 2013. 548 p.
4. Zemtsov S. P., Baburin V. L. *Ekonomika regiona* (Economy of the region), 2016, vol. 12, no. 1, pp. 117–138.
5. Zubarevich N. V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* (Regions of Russia: inequality, crisis, modernization). М.: Independent Institute of Social Policy, 2010, 160 p.
6. *Metody vyrashchivaniya ovoshchey kitajskimi fermerami uzhasayut zhiteley sel* (Chinese farmers' methods of growing vegetables horrify villagers). URL: <https://zab.ru/articles/2783> (Date of access: 08.12.2019). Text: electronic.
7. *My vseh zovem i zvali, no prishli kitaytsy* (We are calling and called all, but the Chinese came). URL: <https://iz.ru/news/588143> (Date of access: 24.12.2019). Text: electronic.
8. Nort D. K. *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* (Institutions, institutional changes and the functioning of the economy). М.: Economic book fund «Nachala», 1997. 180 p.
9. Pilyasov A. N., Guniko M. S., Kотов A. V., Sidorova D. A. *Ekonomika Vostoka Rossii* (Economy of the East of Russia), 2017, no. 2, pp. 28–40.
10. Pomazkova N. V. *Zapiski Zabaykalskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obschestva* (Notes of the Transbaikalian branch of the Russian Geographic Society), 2019, vol. 136, pp. 197–203.
11. Hashim R., Alexiou C. *International Journal of Social Economics* (International Journal of Social Economics), 2011, no. 39, pp. 142–160.
12. Krugman P. R. *Journal of Regional Science* (Journal of Regional Science), 1993, vol. 33, pp. 129–144.
13. Rodrik D., Subramanian A. *Finance and Development* (Finance and Development), 2003, vol. 40, no. 2, pp. 31–40.
14. Sokoloff K., Engerman S. *Journal of Economic Perspectives* (Journal of Economic Perspectives), 2000, vol. 14, no. 3, pp. 217–232.
15. Suchacek J. *MPRA* (MPRA), 2009, no. 15023, posted 6.
16. Zamyatina N., Pilyasov A. *Foresight and STI Governance* (Foresight and STI Governance), 2016, vol. 10, no. 3, pp. 53–64.

Работа выполнена по проекту XI.174.1.8. Программы фундаментальных исследований СО РАН и проекта № 278-гр «Вовлеченность населения Забайкальского края в инициативное бюджетирование как инструмент укрепления финансового состояния муниципалитетов региона»

Коротко об авторах

Баранова Ольга Александровна, канд. геогр. наук, доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: институциональная экономика, управление социально-демографическими процессами территории
oa.09.12@mail.ru

Парфенова Ксения Владимировна, канд. геогр. наук, науч. сотрудник лаборатории географии и регионального природопользования, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, г. Чита, Россия. Область научных интересов: трансформация социально-экономического пространства, демографические процессы, социальная инфраструктура
gorina08@yandex.ru

Briefly about the authors

Olga Baranova, candidate of geographical sciences, associate professor, Economics and Accounting department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: institutional economics, sociodemographic processes of a territory

Ksenia Parfenova, candidate of geographical sciences, researcher, Geography and Regional Environmental Management laboratory, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: transformation of the socioeconomic area, demographic processes, social infrastructure

Образец цитирования

Баранова О. А., Парфенова К. В. Роль территорий опережающего развития в контексте институционального анализа экономико-географического положения Забайкальского края // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 6. С. 115–124. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-6-115-124.

Baranova O., Parfenova K. Role of advanced development territories in the context of the institutional analysis of the economic-geographical situation of the Transbaykal region // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 6, pp. 115–124. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-6-115-124.

Статья поступила в редакцию: 25.05.2020 г.
Статья принята к публикации: 08.06.2020 г.